

ЭКСПАНСИЯ ЧУДА

ПРОЗА МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

ОНА ЖЕ ГРЕЙС



СЛЕПОЙ УБИЙЦА



КАМЕННАЯ
ПОДСТИЛКА



ОРИКС И
КОРОСТЕЛЬ
цикл «Орикс и Коростель»



ГОД ПОТОПА
цикл «Орикс и Коростель»



БЕЗУМНЫЙ
АДДАМ
цикл «Орикс и Коростель»



ГОД ПОТОПА



РАССКАЗ СЛУЖАНКИ



МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА
В ЭПОХУ ДИНОЗАВРОВ

МАРГАРЕТ

Э·Т·В·У·Д

МУЖЧИНА
И ЖЕНЩИНА
В ЭПОХУ
ДИНОЗАВРОВ



Москва
2019

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Э89

Margaret Atwood
LIFE BEFORE MAN

Copyright © 1979 by O.W.Toad, Ltd. This edition is published by
arrangement with Curtis Brown UK and
The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Т. Боровиковой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Этвуд, Маргарет.
Э89 Мужчина и женщина в эпоху динозавров : [роман] /
Маргарет Этвуд ; [пер. с англ. Т. Боровиковой]. — Мо-
сква : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103626-3

Леся, Нат, Элизабет. Казалось бы, что может быть обыденнее, банальнее любовного треугольника? Но когда речь идет о романе Этвуд, об обыденностях и банальностях надо забыть. Ее взгляд на семью, на отношения между людьми — особенный, не похожий ни на какой другой.

Природа человеческая по большому счету не изменилась с до-исторических времен, и зло никогда не станет добром, любовь нельзя заменить привязанностью, и все мы, как и герои Этвуд, хотим знать, ради чего живем.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-103626-3 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить тех, кто снабжал меня комментариями, информацией, поддерживал меня или помогал иным образом; это Карл Этвуд, Ленор Мендельсон Этвуд, Рут Этвуд, Питер Бём, Лиз Калдер, Дж. А. Доннан, Кейт Годфри Гибсон, Дженнифер Глоссоп, Беверли Хантер, Матла Кейвин, Мария Квас, Джей Макферсон, Мари Томпсон, Фред Дж. Робертс, Рик Салютин, Дж. Б. Сэлсберг, Савелла Стечишин, Зиня Стечишин, Нэн Тализи, миссис Уолперт, Джин Уочна, миссис Верблински.

Хочу также поблагодарить Доню Перофф, мою неустанную изыскательницу на протяжении многих лет; Фиби Лармор, моего агента; и всех сотрудников Королевского онтарийского музея и планетария, которые пожертвовали мне свое время, особенно Джоанн Линдси из отдела палеонтологии позвоночных, которая уверенно провела меня через верхнемеловой период.

Окаменелость может быть не частью самого организма, а неким следом его присутствия: например, окаменелый след животного или слепок норы... Такие окаменелости дают нам единственный шанс увидеть вымерших животных в действии, изучать их поведение, хотя с уверенностью приписать такой след животному можно, только если оно рухнуло замертво на тропе и окаменело на месте.

*Бьорн Куртен.
Эпоха динозавров*

Смотрите — я улыбаюсь вам, я улыбаюсь в вас, я улыбаюсь вами. Разве умер я, а не дышу еще в каждом трепете вашей руки?!

*Абрам Терц (Андрей Синяевский).
Гололедица*

Часть первая

Пятница, 29 октября 1976 года

ЭЛИЗАБЕТ

Я не знаю, как мне жить. Я не знаю, как вообще нужно жить. Знаю лишь, как живу я. Я живу, как догола ободранная улитка. Так деньги не делаются.

Отдай мне мою раковину, я так долго ее строила. Я не знаю, где ты сейчас, но моя раковина при тебе. Ты так ловко умел раздевать. Я хочу раковину, вроде платья с блестками, такого, расшитого монетками в пять, десять центов, в доллар, внахлест, как чешуя броненосца. Бронированного рогоносца. Непроницаемое; как презерватив.

Я не хочу о тебе думать, но приходится. Ты хотел произвести на меня впечатление; ну так вот, у тебя не получилось, мне просто мерзко. Отвратительный, глупый, детский поступок. Как ребенок в истерике разбивает куклу. Но ты разбил свою голову, свое тело. Ты хотел быть уверен, что до конца жизни я буду каждый раз, повернувшись в кровати, чувствовать рядом это тело, нездешнее, но осязаемое, как ампутированная нога. Ее нет, но место ее болит. Ты хотел, чтобы я плакала, чтобы горевала, сидела в кресле-качалке, держала платок с траурной каймой, слезоточила кровью. Но я не плачу — я злюсь. Я так зла, что просто убила бы тебя. Но ты успел раньше.

Элизабет лежит на спине, аккуратно одетая, туфли ровненько стоят на прикроватном коврикe — овальном, плетеном, купленном в «Ник-Наке» четыре года

назад, когда ее еще заботил домашний уют. Настоящий коврик из тряпочных косичек, сработанный настоящей старушкой, — фирма гарантирует. Руки по швам, ноги вместе, глаза открыты. Элизабет видит часть потолка, и все. Трещинка пересекает поле зрения, от нее ответвляется трещинка поменьше. Ничего не случится, ничего не откроется, трещина не расширится, не разверзнется, ничего не появится оттуда. Просто потолок надо перекрасить, не в этом году — в следующем. Элизабет пытается сосредоточиться на словах «в следующем году»; оказывается, не может.

Слева — расплывчатое пятно света; повернуть голову — там окно, увешанное традесканциями в горшках; китайские бамбуковые жалюзи наполовину подняты. После обеда она позвонила на работу и сказала, что не придет. В последнее время она так делает слишком часто; а ведь работа ей нужна.

Она не в себе. Она где-то между телом, спокойно лежащим на кровати поверх индийского покрывала, расписанного цветами и тиграми, в черной водолазке, в прямой черной юбке, в сиреневой комбинации, в бежевом лифчике с застежкой спереди, в колготках, какие продаются в пластиковых яйцах, — и потолком с волосными трещинками. Она видит там себя — загустевший воздух, словно яичный белок. Как то, что вылезает, когда варишь яйцо и оно лопается. Она знает, что по ту сторону потолка — вакуум. Это не то же самое, что третий этаж, который сдан жильцам. Вдалеке точно крохотный гром — их ребенок катает по полу стеклянные шарики. Воздух втягивается в черный вакуум с тихим, едва слышным свистом. Ее тоже может утянуть вверх, в эту трещину, как струйку дыма.

Она не в силах пошевелить пальцами. Она думает о своих руках, лежащих по бокам — вроде резиновых перчаток: она думает, что надо постараться всунуть в эти очертания рук кости и плоть, по одному пальцу за раз, как тесто.

Через дверь, которую она по привычке оставила на дюйм приоткрытой, — всегда на посту, как отделение неотложной помощи, даже сейчас прислушиваясь: вдруг раздастся грохот, вопли, вдруг что-то разобьется, — через дверь доносится запах подгорелой тыквы. Дети зажгли свечи в тыквах, хотя до Хэллоуина целых два дня. Еще даже не стемнело, хотя свет сбоку уже тускнеет. Они так любят рядиться, надевать маски и костюмы, бегать по улицам, по мертвым листьям, стучать в чужие двери, держа наготове бумажные мешки. Надежды. Раньше ее трогало это возбуждение, эта бешеная радость, эти планы, которые много недель строились за закрытой дверью детской. В Элизабет что-то отзывалось в унисон, будто ключ поворачивался. В этом году дети отделились. Стеклопанель звуконепроницаемая стена в больнице, в отделении для новорожденных, за которой она стояла в халате и смотрела на каждую из них в свой черед, глядя, как открывается и закрывается красный ротик, искажается личико.

Она видит их, они видят ее. Они знают: что-то не так. Они до того идеально вежливы, до того уклончивы, что ее обдаёт холодом.

Они наблюдают за мной. Они наблюдают за нами уже годы. Разумеется, они знают, как это делается. Они ведут себя так, будто все нормально, и, может, для них это и есть норма. Скоро они захотят ужинать, и я приготовлю ужин. Стащу себя с кровати и приготовлю ужин, а завтра провожу их в школу, а потом пойду на работу. Все как полагается.

Элизабет раньше готовила, и притом очень хорошо. Это было в ту пору, когда ее интересовали коврики. Она все еще готовит: что-то чистит, что-то пассерует. Одно твердеет, другое размягчается; белое буреет. Она еще готовит. Но когда она думает о еде, она не видит ярких цветов — красных, зеленых, оранжевых, — как на

картинках в «Поваренной книге гурмана». Еда представляется ей иллюстрацией к журнальным статьям о здоровом питании: сколько граммов жира в вашем завтраке. Мертвые белые яйца, белые полоски сала, белое масло. Ростбифы, куры, отбивные, изваянные из безвкусного лярда. Теперь для нее вся еда на вкус такая. Правда, она все равно ест, даже переедает, набирая балласт.

Тихий стук, шаги. Элизабет отводит взгляд от потолка. Над туалетным столиком висит зеркало в дубовой раме, и в нем она видит, как открывается дверь, а за дверью в темноте коридора бледным воздушным шариком парит лицо Ната. Он входит в комнату, разрывая невидимую нить, которой она по привычке затягивает вход, чтобы не пустить его, и ей удается повернуть голову. Она ему улыбается.

— Как ты себя чувствуешь, любовь моя? — говорит он. — Я принес тебе чаю.

Пятница, 29 октября 1976 года

НАТ

Он не знает, что у них двоих теперь значит «любовь», хотя они все время говорят друг другу это слово. Ради детей. Он уже не помнит, когда начал стучаться в ее дверь, не помнит, когда эта дверь перестала быть и его дверью. Когда они переселили детей в одну комнату и он стал спать на освободившейся кровати. Тогда эта кровать называлась у Элизабет свободной. Теперь называется дополнительной.

Он ставит чашку с чаем на тумбочку у кровати, рядом с радиочасами, которые будят ее по утрам бодрыми новостями. Пепельница, но без окурков; откуда им взяться? Она не курит. А вот Крис курит.

Когда Нат спал в этой комнате, был и пепел, и спички, и стаканы с засохшими разводами, и мелочь из его карманов. Они складывали медяки в банку из-под ара-

хисового масла и покупали друг другу в подарок всякую ерунду. Она это называла «шалльные деньги». До сих пор он перед сном выуживает из карманов все центы; они мышинным пометом скапливаются на крышке бюро в его комнате, в его собственной комнате. Она говорит «твоя комната», будто хочет удержать его там.

Она смотрит на него снизу вверх, из ее лица высаны все краски, глаза обведены темными кругами, на лицо натянута улыбка. Необязательно так стараться; но Элизабет всегда старается.

— Спасибо, любовь моя, — говорит она. — Я встану через минутку.

— Хочешь, я сегодня приготовлю ужин, — говорит Нат, он пытается быть полезным, и Элизабет безучастно соглашается. Его бесит эта безучастность, могла бы хоть обрадоваться, но он ничего не говорит, поворачивается и тихо закрывает за собой дверь. Он сделал жест, а она ведет себя так, будто этот жест ничего не значит.

Нат идет на кухню, открывает холодильник и роется внутри. Все равно что рыться в белье в ящике, где все напихано кое-как. Банки с остатками еды, погибшие проростки фасоли, шпинат в полиэтиленовом пакете начал разлагаться и пахнет скошенной и гниющей газонной травой. Без толку ждать, что Элизабет наведет здесь порядок. Раньше она это делала. Теперь она время от времени убирается в других местах, но только не в холодильнике. Нат сам в нем приберется, завтра или послезавтра, когда руки дойдут.

А пока что надо изобрести ужин. Это не так уж сложно — он часто помогал на кухне, — но раньше (мысленно он говорит «в былые дни», словно имеет в виду некую романтическую эпоху, как в диснеевском фильме про рыцарей) в доме всегда был запас продуктов. Теперь Нат по большей части покупает продукты сам, везет пару магазинных пакетов домой в корзине велосипеда.

Но он вечно забывает что-нибудь, и в ткани дня зияют дыры: то яиц нет, то туалетной бумаги. Тогда приходится посылать детей в лавку на углу, а там все дороже. Раньше, до того как он продал машину, было проще. Он возил Элизабет за покупками раз в неделю, по субботам, а дома помогал ей раскладывать по местам консервные банки и замороженные упаковки.

Нат извлекает из овощного контейнера подтекающий шпинат и несет его к мусорному ведру; из шпината сочится зеленая жижа. Нат считает яйца: на омлет не хватит. Придется опять готовить макароны с сыром, но это ничего, дети их любят. Элизабет не любит, но все равно будет есть, заглотает рассеянно, словно думает о чем угодно, только не о еде, глядя в стену мимо него с улыбкой мученицы, которую поджаривают на медленном огне.

Нат помешивает и трет на терке, помешивает и трет. Пепел падает с сигареты, мимо кастрюли. Нат не виноват, что Крис вышиб себе мозги из охотничьего ружья. Охотничье ружье: символ типичной для Криса экстравагантности, надрыва, который Нату всегда был неприятен. Лично он воспользовался бы пистолетом. Если бы вообще решил покончить с собой. Но хуже всего — взгляд, каким она смерила его после того звонка: *Ему хотя бы хватило храбрости. Он хотя бы решился.* Она, конечно, не высказала этого вслух, но он уверен, что она сравнивает их, и счет не в его пользу, потому что он все еще жив. Жив, потому что трус. Пороху не хватило.

Он знает, что в то же время, все так же молча, она винит во всем его. Если бы только ты был таким или с jakim, сделал то или се — он не знает что, — этого не случилось бы. Я не была бы должна, обязана, вынуждена... она убеждена в этом, убеждена, что он ее подвел, и эта его неопределенная вина превратила ее в дрожащую массу беспомощной плоти, что присоской липнет к первому попавшемуся идиоту, которому

случится проходить мимо и заметить: а у тебя титки ничего себе. Или что там говорил этот Крис, убалтывая ее расстегнуть лифчик. А может, что-нибудь вроде: вот это фигура! Просто королева. Шахматисты, они такие. Нат знает, сам раньше играл в шахматы. Он никак не может понять, почему женщины считают, что игра в шахматы — это очень сексуально. Некоторые женщины.

И вот уже неделю, с того самого вечера, она проводит вторую половину дня лежа на кровати, которую Нат когда-то с ней делил, а он приносит ей чашки чаю, по одной в день. Она принимает их с видом умирающего лебедя — Нат ненавидит этот взгляд и бессилён с ним бороться. Ты во всем виноват, дорогой, но можешь принести мне чаю. Жалкая попытка искупления. И аспирин из ванной, и стакан воды. Спасибо. А теперь уйди куда-нибудь и помни, что ты виноват. И он на это ведётся. *Как хороший мальчик.*

А ведь это ему, а не ей, не Элизабет, пришлось ехать на опознание. Она глядела таким страдальческим взором, что было ясно — от нее нельзя этого требовать. И он безропотно поехал. В квартире, где он побывал лишь дважды, а она бывала не реже раза в неделю все эти два года, он боролся с тошнотой, заставляя себя взглянуть, и чувствовал, что Элизабет присутствует в комнате вместе с ними — искривление пространства, наблюдатель. Сильнее присутствует, чем Крис. Головы, можно сказать, не осталось. Всадник без головы. Но узнать можно. Крис никогда ничего не выражал этим своим тяжелым плоским лицом, не как все люди. Он все выражал телом. От головы у него шли одни неприятности. Возможно, поэтому он и выстрелил в голову, а не еще куда. Чтобы не уродовать тело.

Пол, лампа, шахматы у кровати, кровать, а на ней лежит, выражаясь официально, «торс с конечностями»; второе тело Ната, неразрывно связанное с ним призрачной пуповиной, дырой в пространстве, где царит